

Дзюсэцу вернулась во дворец Ямей, словно ноша тяжелой тоской легла ей на плечи. Она знала, что следовало завершить всё это раньше, но... В её руках была коробочка из розового дерева, которую она вытащила из шкафчика. Поставив её на стол, она достала из-за пазухи ступку, принесённую с кухни. Это был инструмент для измельчения лекарственных трав, привычный атрибут придворной жизни. Дзюсэцу откинула крышку коробочки, извлекла несколько высушенных ольховых шишек и бетельных орехов, бросила их в ступку. Движения её рук были точны, отточены годами практики. Она измельчала травы до мельчайших частиц, — чем мельче, тем лучше. Вдруг позади неё раздался свист крыльев, резкий и яростный. Дзюсэцу вздрогнула, обернулась, собираясь спросить, в чём дело... И замерла. Перед ней стоял Эйсей. — О-откуда ты здесь? — прошептала она, — Дверь ведь не открывалась. — Я вошел через заднюю дверь, чтобы не бросаться в глаза, — спокойно ответил Эйсей. Его взгляд скользнул по ступке, но тут же вернулся к Дзюсэцу. — Эта одежда вам пригодилась? Он смотрел на неё, всё ещё облаченную в платье служанки. Сердце Дзюсэцу бешено колотилось от страха, но она сохраняла спокойствие, лишь кивнула. — Да, весьма полезная вещь. — В каком смысле? — тон Эйсея был безупречно вежлив, словно он задавал самый обычный вопрос. Дзюсэцу нахмурилась. — Я выведала кое-что от служанки. Я установила, что дух, заключённый в серье, скорее всего, принадлежит Хан Оуджо, которая умерла во времена правления предыдущего императора. — Хан Оуджо, — пробормотал Эйсей. — Ты её знал? — Я долгое время был личным помощником повелителя, потому многого не знаю о вещах, которые происходили во внутреннем дворце при предыдущем императоре. — Вы можете выяснить, где сейчас изволят находиться служившие Хан Оуджо евнухи и служанки? Лицо Эйсея стало серьёзным. — Чтобы провести расследование, нужно заглянуть в перечень жен, который находится в отделе писарей. Для отвода глаз нужна какая-то причина, иначе это будет выглядеть подозрительно. Так сказал вчера повелитель. Он не хочет, чтобы о наших действиях знали. — Как раздражает, — прошептала Дзюсэцу, её терпение было на исходе. — Что ж, тогда сделаем это. — И что «это»? — казалось, спрашивали глаза Эйсея. — Я желаю взять себе служанку. — ...Служанку? — ...Прямо сейчас? — Эйсей выглядел озадаченным. — Девушка ДзюДзю из дворца Трапез вполне подойдет. Мне не известна её фамилия. — Что? — Дзюсэцу не могла скрыть удивления. — Однако прежде чем вы назначите мне служанку, вы должны всё проверить в перечне жен. В конце концов, вы же и правда хотите назначить мне служанку, так что здесь нет ничего необычного. Как насчет этого? Эйсей округлил глаза, но сложил руки на груди и поклонился. — Отлично, давайте воспользуемся вашим планом. Разговор подошел к концу, и Эйсей собрался уходить... Или она так думала. Прежде чем он развернулся к черному ходу, евнух приблизил лицо к уху Дзюсэцу и прошептал: — Это же высушенные ольховые шишки и бетельные орехи? Дзюсэцу напряглась. Эйсей коснулся волос Дзюсэцу, а потом убрал руку. — Да кто ты на самом деле такой? — прошептала Дзюсэцу, её голос дрожал. ***Поздней ночью Дзюсэцу покинула дворец Ямей. Она направилась к небольшому пруду в западной части двора. В фонарях не горели свечи, и лишь луна освещала окрестности. Вокруг было тихо, и лишь стрекот насекомых доносился из травы. В руках она несла небольшую миску. В ней была смесь из порошка ольховых шишек и бетельных орехов, золы и прочего, залитого кипятком. Дзюсэцу вошла в пруд, не обращая внимания на то, что её ночная рубашка намочла. Она наклонилась и окунула волосы в воду. В это время года вода все ещё была холодной. Тем более ночью. Чувствуя, что сейчас она покроется льдом, Дзюсэцу тщательно несколько раз вымыла голову. Черный цвет волос постепенно исчез. Она запустила пальцы в свои волосы, которые под лунным светом отливали серебром. Умопомрачительные серебристые волосы. Это был её настоящий цвет волос. С тех пор, как она попала во дворец Ямей, она красила свои волосы, брови и ресницы в черный. Когда она была рабыней, её волосы были серыми от пыли и песка. И все считали, что они серые, хотя это тоже был странный цвет волос. Благодаря этому она чудом избежала смерти. Ведь этот цвет волос был у предыдущей императорской династии. Их семья пришла с севера. Поговаривали, что они то ли потомки правителей какой-то страны, то ли священники, но точно никто не знал. Возможно, они это выдумали, чтобы придать себе

значимости. Это было маленькое племя, которое жило высоко в горах, но покинуло свои земли из-за межплеменных войн и кровосмесительных браков, почти уничтоживших племя. У племени были очень примечательные черты. Маленькие подбородки и узкие носы. Большие глаза. Длинные тонкие конечности. И, помимо всего прочего, блестящие серебристые волосы, которых больше ни у кого не было. У многих потомков этой семьи были серебристые волосы. Предыдущий император перед предыдущим, заняв трон, пытался истребить всю прошлую династию. Он повсюду искал любых сбежавших членов прошлой династии и безжалостно убивал их, не щадя даже детей. Дзюсэцу повезло избежать его клинка: её мать тогда была маленькой, и родилась она от скромной служанки, так что официально она не была признана членом семьи. Потому-то её и не включили в список тех, кого приказали убить. Кроме того, она смешалась с жителями города, покрасив волосы. Довольно иронично вышло. Позже её мать стала куртизанкой в квартале Красных Фонарей и родила её. И проблем бы не было, родись Дзюсэцу с черными волосами. Но у неё, как и у матери, волосы тоже были серебристые. Возможно, то было благословение, а не проклятие... С этой надеждой мать дала ей имя Дзюсэцу. Она красила девочке волосы и тайно растила её, скрывая от внешнего мира. Дзюсэцу не знала, как их нашли и благодаря кому. Просто как-то днем дворцовая канцелярия Цзяофансы, отвечавшая за квартал Красных фонарей, привела к ним солдат Южной армии. Пока все в борделе помогали им выиграть время, мать сбежала с Дзюсэцу. Мать Дзюсэцу, держа девочку на руках, со всех ног убегала от преследовавших её солдат по людным улицам, но было похоже на то, что они искали лишь мать Дзюсэцу. Они не знали о девочке, потому что ту растили в строжайшей тайне. Но все в борделе, разумеется, о ней знали, так что доносил явно кто-то посторонний. Постарался ли это клиент, к которому мать была холодна? Она до сих пор не знает. Её мать, поняв, что преследуют лишь её, посадила дочь в тени ворот и сказала: — Прячься здесь. Что бы ты ни услышала, не выходи. Пальцы матери впились в её плечи. — Не шевелись, — прошептала мать, крепко обнимая свою маленькую дочь, — и сиди здесь. Ни звука. До того, как ворота закроются, вернись домой. Ясно? Она еще раз поцеловала Дзюсэцу в лоб и выбежала за ворота, растворяясь в сумерках. Сразу же раздались крики солдат, скрежет железа о железо, звук разбивающейся посуды. Дзюсэцу замерла, дрожа всем телом. Это был голос ее матери? Девочка отчаянно хотела выбежать, но ноги словно приросли к земле. Страх сковал ее, заглушая все остальные чувства. Она не знала, почему их преследуют, но интуиция подсказывала, что беда не за горами. Звуки борьбы становились все громче, перемежаясь с грубыми мужскими выкриками. Дзюсэцу зажала уши руками, зажмурилась, пытаясь спрятаться от ужасающего спектакля, разворачивающегося за воротами. Время тянулось бесконечно, пока наконец тишина не окутала улицу. Осторожно, словно просыпаясь от кошмара, Дзюсэцу убрала руки от ушей и медленно поднялась. Она подошла к воротам, где только что бушевала буря, но все было спокойно. Хмурые лавочники, поправляя свои разбитые прилавки, спешили убрать осколки. Слуги подбирали осколки посуды, а спешащие прохожие словно не замечали произошедшего. Дзюсэцу растерянно огляделась. Куда пропала ее мать? Поймали ее? Где ее теперь искать? Она должна была вернуться в бордель, но там ее снова запрут. А ей было всего четыре года, она не знала, как найти дорогу обратно. В маленьком сердце Дзюсэцу рос страх, переплетенный с отчаянным желанием найти свою мать.